

ДИСКУРС

БЕСЕДЫ С ФИЛОСОФАМИ

«Нужно различать философию и мудрость»

Беседа с А.В. Перцевым

Александр Владимирович Перцев — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Уральского государственного университета, проректор, декан философского факультета УрГУ, автор ряда монографий и переводов. Беседа с ним состоялась 20 ноября 2008 г. в Санкт-Петербургском государственном университете.

Уважаемый Александр Владимирович, прежде всего хотелось бы поговорить о Вашей историко-философской работе. Как Вы пришли к изучению творчества Арнольда Гелена?

Исторически всё выглядело примерно следующим образом. Начиная с третьего курса университета я занялся изучением философской антропологии под руководством профессора Константина Николаевича Любутина. Он создал целую школу, у него было около пятнадцати аспирантов, каждому из которых достался свой мыслитель. Кто-то

получил Г. Вайна, кто-то — Г-Э. Хенгстенберга, кто-то — Плейснера, а мне достался Гелен. Такая плёнка вытащилась из кармана Любутина — тогда ведь книги читали при помощи фильмоскопа — «Anthropologische Forschung».

Гелен сравнительно мало известен у нас, потому что он — двоюродный брат руководителя гитлеровской разведки на восточном фронте. По натуре своей Гелен — пруссак, и развивал он философию или антропологию пруссачества: весь мир против человека, и он должен напрягать все свои силы. Он не фашист, а, скорее, приверженец милитаристской школы, которая сегодня становится очень популярна. Чем сильнее кризис, тем в большей степени человек будет пониматься как изначально ущербный, но способный своими силами эту ущербность преодолеть. Он должен выстроить свой характер, создать технику и заменить отсутствующие у него инстинкты какими-то искусственными социальными подпорками. В 1960-е гг. Гелен стал известен как идеолог консерватизма. А сегодня консерватизм приобретает популярность как регулируемая при помощи государства рыночная экономика.

За тем, что сегодня принято называть неоконсерватизмом, порой скрывается то, что раньше называлось фашизмом.

Следует делать различие. Консерватизм — это, безусловно, вид демократии. Здесь нужно иметь в виду гегелевскую триаду: вначале феодализм, который сменяется либерализмом. При либерализме все действуют кто во что горазд, в результате старое государство растаскивается, всё пытаются продать. Сегодня самая большая проблема на предприятиях — текучесть кадров (80–90 % в год). Всё так плохо потому, что люди бегают, а бегают они потому, что у них нет понятия верности фирме, нет чувства долга; пообещали платить чуть больше — и он побежал в другое место. Это оборотная сторона либерализма. Когда же человек говорит, что есть вещи поважнее прибыли — патриотизм, родина, — это и называется консерватизмом. Это не отменяет демократии и рынка, но требует утверждения каких-то авторитетов. Такова политика Маргарет Тэтчер или Гельмута Колля. Фашизм — это народное движение, больше похожее на социализм, на возврат к феодализму. Таково корпоративное государство Муссолини.

Я с Вами согласен. Но давайте вернёмся к Гелену.

Я реконструировал всю систему Гелена, защитив по ней первую диссертацию. Правда, в то время это нельзя было называть «диссертацией по Гелену». Название было другое: «Противоположность диалектико-материалистического и философско-антропологического подходов к анализу общества». Гелен подавал себя как представителя биологизаторской философии, философии выживания. В двух словах его концепция сводится к тому, что человек рождается на свет, будучи совершенно неприспособленным в биологическом плане. Гелен опирается на концепцию амстердамского анатома Луи Болька, который говорил, что, в отличие от обезьяны, человек остановился в своём развитии. В онтогенезе обезьяна проходит стадии безволосости, расположения нижней челюсти под лбом, такого устройства таза, как у человека. Но обезьяна движется в своём развитии дальше, а человек, как утверждал Больк, есть нормализованный и половозрелый недоносок обезьяны. Рождаясь таковым, он должен так или иначе приспособливаться к своему положению. Больк был сравнительным анатомом; когда его спрашивали об интерпретации его открытия, он отвечал: моё дело зафиксировать, а интерпретирует пусть кто-нибудь другой, моя наука — не служанка философии. Кроме

того, Гелен опирался на идеи Адольфа Портмана, который утверждал, что человек рождается психологически совершенно неприспособленным к условиям окружающей среды. У Портмана была очень интересная интерпретация: он говорил, что едва родившийся оленёнок сразу встаёт на ноги и начинает ходить так, как свойственно его виду, понимает звуки, издаваемые матерью и т.п. У человеческого же ребёнка свойственное нашему виду питание, навыки речи и хождение появляются только через год. Образно говоря, этот год ребёнку следовало бы проводить в материнской утробе, рождаясь таким же приспособленным, как другие животные. Однако он рождается преждевременно, и из окружающей среды на него обрушивается множество раздражителей, которые сбивают его с толку. В этой экстремальной обстановке он вынужден выстраивать свой характер. Гелен как раз и показал, как это происходит.

Например, мы можем «взвешивать» вещи взглядом, при помощи того же взгляда определять, сухой предмет или мокрый. Мы можем видеть даже вкус, определяя его по цвету. Сперва ребёнок ползает и пробует вещи на ощупь или на вкус. Затем он при помощи зрения «сворачивает» всё это изобилие ощущений, приделывает к зрительным образам метки (мы говорим «хурма», и тут же всплывает зрительный образ и вкус этого плода). В результате человек упорядочивает обрушивающийся на него поток ощущений. Его характер среди этого хаоса должен быть твёрдым. Человек должен сделать себя сам. Это твёрдая, «мужская» философия, к которой и тяготеют консерваторы.

Сопровождается ли это учение какой-либо феноменологией? Вы говорите о вкусах, формах, «взвешивании» и т.п....

Феноменология — это обязательно учение о познании, а здесь мы скорее имеем дело с суровым и консервативным прагматизмом. На первом месте стоит *действие*. Гелен говорит, что инстинкты отбирают для животного то, что ему надо видеть, не оставляя ничего лишнего. Это позволяет животному немедленно реагировать. Инстинкт полового влечения заставляет животное немедленно бросаться на самку и тем самым продолжать свой род. Животное немедленно удовлетворяет свою потребность в пище. У животного, таким образом, есть строгий отбор. Человек же может часами рассматривать эротические фотографии или прогуливаться по магазинам. Животные многое на этом экономят и не разбрасываются. Подводится всё это к тому, что, раз у человека нет таких инстинктов, отбор должно производить государство. Заголовок «Все новости, достойные опубликования» можно интерпретировать в том смысле, что есть вещи, недостойные того, чтобы о них знать. Беда сегодняшнего общества видится Гелену в том, что главным событием года оказываются какие-нибудь «Розы на Гавайях». Это вторичная перегруженность: мы оказываемся в той же ситуации, что и новорожденный ребёнок. Мы только успели упорядочить свой мир, и вот на нас снова валится всяческий спам. Спам — это всё, с чем мы имеем дело, от силы 1 % несёт с собой полезную информацию. Дело в том, чтобы научить человека отбирать и предложить ему оптимальный способ реагирования. Несколько циничным образом это делала газета «Правда»: писали о Корвалане, а граждане реагировали проведением демонстраций и расходились по домам. Если же говорить серьёзно, то сегодня этим занимаются тренеры, которые учат, на что обращать внимание, а на что нет. Такие социальные институты, как их называет Гелен, необходимы человеку, чтобы в мире, переполненном спамом, он мог заниматься какой-то эффективной деятельностью. В принципе, это и есть консерватизм. Но это не диктатура, хотя и может обернуться диктатурой, диктатурой тренинга.

Журнал «Консерватор» начал выходить после того, как Великая Французская Революция продемонстрировала полный беспредел. Тогда люди из бывших дворян заявили, что не всё было так плохо и что хорошо бы отделить агнцев от козлиц.

Опирается ли эта мысль на представление о том, что человек — животное рациональное?

Видите ли, я трактую Гелена как продолжателя ницшеанской философии жизни, а Ницше прямо говорит, что философствуют инстинкты. Разум — только продолжение инстинктов. Мы сперва чего-то хотим, и лишь затем начинаем подбирать средство для исполнения этого желания. Разум не витает где-то сам по себе. Есть очень интересный образ: в потёмках нашей души разум — не солнце, но маленький фонарик, при помощи которого мы находим путь. Мир принципиально иррационален, а мы пытаемся в нём что-то выстроить. Интеллект не противостоит ни инстинктам, ни жизни, но просто помогает нам добиться своего.

Давайте вернёмся к Вашим занятиям германской философией.

В 1984-м я поехал изучать эту философию в Австрию. Вообще-то я хотел поехать в Германию, но все места по научному обмену оказались заняты. В Австрии я открыл для себя Конрада Лоренца — нобелевского лауреата по биологии и философа; биолога, выдававшего себя за философа или философа, выдававшего себя за биолога. Есть такие маргинальные личности...

Он тоже когда-то пытался дружить с Третьим Рейхом, только дружбы не сложилось...

Да нет, просто он когда-то что-то преподавал... В принципе, все эти разговоры о Третьем Рейхе подобны тому, как если бы про кого-нибудь из нас сказать: «Он преподавал во времена СССР». Это не хорошо и не плохо. Это просто было.

Я и не пытаюсь кого-то очернять: люди жили и работали в этой стране. Просто у кого-то сложилась дружба с режимом, а у кого-то нет.

Именно так. Надо сказать, что Лоренц попал в советский плен и одну из своих книг написал на мешках от цемента раствором марганца. При желании его можно подать даже как советского мыслителя.

Лоренц рассудил просто: социальные животные живут сообществами, однако муравьям или пчёлам разум не присущ. Это значит, что существуют какие-то инстинкты, которые руководят социальностью. Первый из таких инстинктов он обозначил как инстинкт агрессии — *Das sogenannte Böse* («так называемое зло»). Если бы у нас не было агрессии, нам грозило бы вымирание, потому что мы, например, съели бы всю траву в ареале своего обитания. Когда мудрая природа вводит инстинкт агрессии, здесь останутся сильнейшие, а остальные расселяются всё дальше и дальше, захватывая огромный ареал. Очень большое значение в природном мире имеют сигналы об агрессии. Отсюда Лоренц выводит весьма своеобразную эстетику. Он заявил, что у человека действуют те же самые социальные инстинкты, которыми занимается этология. Социальная этология учит о том, как эти инстинкты сохраняются и работают в человеческом обществе. Например, почему у кукольных пупсов голова огромная, а тельце маленькое? Почему, если мы нарисуем воробья с натуральным соотношением головы и тела, он не

будет симпатичным; напротив, если у него будет большая голова и маленькое тельце, он покажется нам очень миленьким. Здесь работает инстинкт защиты и заботы: такое соотношение головы и тела напоминает пропорции новорожденного ребёнка. О нём безотчётно хочется позаботиться. Разница между человеком и животным заключается только в том, что у животного этот инстинкт заботы проявляется только тогда, когда оно видит детёныша, а у человека есть разум, благодаря которому мы распространяем этот инстинкт на абстрактные объекты и в результате начинаем называть женщин «бэ-би», несмотря на то, что соотношения головы и тела у них уже не младенческие. В конце концов, мы начинаем заботиться о человеке вообще.

Второй инстинкт, выделенный Лоренцем и интерпретируемый Геленом, — это сочувствование, сорадование процветающей жизни и, наоборот, сострадание жизни ущербной. Когда в России, на Волге, появлялся здоровенный бурлак, за ним ходили толпы народа — просто посмотреть, как он что-то потащил. Сегодня по той же причине ходят смотреть выступления тяжелоатлетов. Людей радует зрелище пышущего здоровьем великана. И наоборот, достаточно обнажить свои язвы, как люди начинают подавать монетки. Ещё тридцать лет назад в Пятигорске существовала замечательная школа нищенства: люди носили на боку баранью кишку, завёрнутую в целлофановый пакет; когда они распахивали рубашку и демонстрировали «выпадающую грыжу», им немедленно подавали. Когда всё это переносится на абстрактные объекты, появляется пролетарская этика борьбы за угнетённых и страдающих. Первые молитвы египетских фараонов были замечательны в своей простоте: «Боги, дайте мне есть, пока я не наемся, пить, пока я не напьюсь, и высокого уровня воды в Ниле!». Это молитвы очень конкретные, без всяких абстракций.

Третий инстинкт заставляет коров собираться вместе, когда появляется волк. Это инстинкт защиты сообщества. По-видимому, первобытные люди тоже собирались вместе, движимые инстинктом, чтобы отразить опасность. Но, когда опасность исчезает, животные вновь рассеиваются, а у человека, наделённого разумом, этот инстинкт преобразуется в настроенность против внешнего врага.

Это очень своеобразная биологизаторская философия, которой я не разделяю целиком, но которая чем-то подкупает меня. Дело в том, что я вырос в семье врачей; мои мама и сестра были врачами, да и вырос я при больнице, потому что мы жили в доме медработников. Поэтому я считаю, что тело (не *Körper*, а *Leib* — *живое тело*) не следует противопоставлять разуму и недооценивать.

Так вот, в 1984 г. я приехал в Австрию изучать эту философию. Правда, Конрад Лоренц уже не выходил к публике. Вышел лишь один раз, когда его имя присваивали «зелёному» движению — «Konrad Lorenz Folksbegieren», — но вышел в халате, поскольку ноги у него уже не сгибались, и брюки он не мог надеть. Если не ошибаюсь, ему было уже 83 года. Так что с Лоренцем я не общался. Тогда же я открыл для себя очень интересное философское течение, получившее название «австромарксизм». Я выяснил, что австромарксизм переплетён с неопозитивизмом, а Отто Нейрат делал наглядную советскую агитацию. Всё это я написал в совместной с Д.А. Мироновым книге, которая занимает весьма заметное место в фонде австрийской философии в Граце. Эту книгу я подарил академику Т.И. Ойзерману. Он меня запомнил и даже написал в обзорной статье, что мы с Мироновым доказали, что неопозитивисты вовсе не были «буржуазными философами», как было написано в постановлении ЦК КПСС, а были они либо коммунистами, либо социалистами, а вернее сказать — социальными утопи-

стами. Когда Нейрат строил социализм в Баварии, он собрал всех фантастов, которые и разрабатывали проект какого-то фантастического общества. Об этом я, даст Бог, когда-нибудь ещё напишу.

Вы разделяете представление, которое я условно назвал бы ждановско-сартровским, о том, что есть буржуазная философия и философия пролетарская?

Я исхожу из того, что у пролетариата, конечно же, нет своей философии и никогда не будет. Кто-то может усиливать свои позиции, утверждая, что развивает пролетарскую философию. Так делал Бакунин. Гелен говорит, что попечение о защите государства — это этос, который идёт от биологии, присущий военным; интеллектуалы-гуманисты пекутся о защите обездоленного человечества; а есть ещё люди, которые бесхитростно говорят о том, что голодного человека надо накормить. Это последнее и есть, по Гелену, пролетарская философия, т.е. философия, которая заставляет работать. Речь идёт о немецком пролетариате, который работает, а не о таком, который, как у нас, всё разрушает.

Это скорее люмпен-пролетариат.

Да, конечно. В одной из своих книг, которая называется «Почему Европа не Россия. Как был придуман капитализм» я пытаюсь проследить процесс появления буржуазной морали. Я считаю, что Вебер заметил что-то лишь мельком. Он был очень умным человеком, но у него просто не было време-

ни посидеть и поразмышлять. Разве это вывод: «христианство — философия странствующих ремесленников»? Это неверно. Когда евреи обучали своих священников, они давали им на всякий случай и ремесленное образование, чтобы они могли прокормиться и были независимы. Поэтому Христос был плотником. Апостол Павел умел выделывать ковры. Но мы же не говорим, что христианство — философия плотников!

А спинозизм — философия оптиков...

Именно. Христиане смогли распространиться благодаря тому, что жили на самообеспечении. Я бы и сегодня на гуманитарных факультетах давал какую-нибудь «денежную» профессию. Меня сегодня не устраивает ни выпрашивание денег у буржуа, ни хождение на поклон к чиновнику для издания книги. Как говорил Пушкин, «Зависеть от царя, зависеть от народа — не все ли мне равно». А вот если ты сам зарабатываешь чем-то не слишком грязным и дискредитирующим тебя, это позволяет на свои деньги издавать то, что ты хочешь.

Но время!

А что время? Я зарабатываю достаточно, чтобы за два месяца издать книжку. При этом я занимаюсь развитием образования и не вижу, за что бы мне на том свете не долили холодной воды... Я считаю, что философ должен работать — работать как коммуникатор, как человек, налаживающий отношения. Древние греки говорили, что тот не гражданин, кто не может сказать речи на Агоре.

Если мы вспомним «Федра», там Платон говорит о юношах, которые не ходят на Агору, а вместо этого беседуют с Сократом.

Да ведь он ругает их. Сократ — это великий словоблуд. По этому поводу уместно вспомнить «Облака» Аристофана.

Но Аристофан — не философ.

Ну и что? Он — народный мыслитель. Он, если угодно, предшественник Ницше. А Ницше считал себя потомком Ларошфуко и Шамфора — комической традиции. И сам Ницше говорил, что критерий истинности высказывания о человеке — это смех окружающих. Раз смеются — значит попал. Человек напоминает яблоко: тонкий слой кожуры — это культура, а внутри — агрессия и животность. Церковь из всех сил покрывала эту агрессию. Ришелье запрещал драться на дуэлях, но при этом был не против того, чтобы его гвардейцы подрались. Кто такие мушкетёры и дожи? Этой войско. А войско на войне проявляет агрессию и убивает всех. Когда же военные собираются вместе в мирное время, они начинают убивать друг друга. Это агрессия. Существует целая школа юмора, вырастающая отсюда. Как я начал писать во втором томе книги о Ницше, юмор — это главный критерий. Мы говорим «колкости», «остроты» — всё это идёт от фехтования, только здесь имеет место фехтование на словах. При дворе тебя обязательно стремятся *уязвить*; норма придворной жизни — обмен *колкостями*. Придворные как бы фехтуют, но при этом не убивают. Параллельной линией является спорт, в котором агрессия выражается в стремлении к победе в соревновании.

А если вспомнить роستانовское «я вас убью в конце посылки»?

Ницшевская философия выражается как раз в другом, как я попытался показать в своей книге «Фридрих Ницше у себя дома», которая вот-вот выйдет в петербургском издательстве. Я попытался показать, что у Ницше женское мышление: его воспитывали пять женщин, он был очень деликатен. Он говорил, что существует что-то вроде котла, в котором кипит вода и даёт пар, необходимый для движения общества (это было время угля и пара). Можно недогреть воду, и тогда общество остановится. А можно перекипятить, и тогда котёл взорвётся. Задача философа заключается в управлении котлом, в котором кипит агрессия. Нормальное состояние человека заключается в том, чтобы испытывать боевой задор, спортивный азарт: я должен постараться победить Вас в честном соревновании — кто лучше сказал, кто лучше написал. Когда же агрессии становится слишком много, её нужно гасить. И тогда мы говорим: «возлюби ближнего своего», «подставь другую щеку» и т.п. Но мы можем переусердствовать, и тогда никто не хочет работать, все ходят вялые или «плавные». И тогда нужно снова звать к Заратустре, к сверхчеловеку, чтобы поддерживался нормальный режим. Это единственное, чего хотел Ницше.

Давайте попробуем замкнуть две линии Ваших рассуждений о Ницше. Мы начали говорить о греках, а потом снова отклонились в сторону геленовско-лоренцевской проблематики. Схождение мне видится в том, отчего Ницше презирает Сократа.

Отчего Ницше презирает Сократа? Я бы не стал говорить о том, что он его презирает. После 1871 г. Германия наконец объединилась: разрозненные прежде Бавария и Саксония выступили вместе. Ведь раньше триста отдельных княжеств, территория каждого из которых составляла около 25 квадратных километров, существовали сами по себе. Объединение на уровне головы придумал Лейбниц: монады стремятся к единству в силу предустановленной гармонии. Его не поняли. У Фихте тоже ничего не получилось — слишком сложно писал. Фихте впервые сказал, что нужно давать красивые мифы; кто понял — объединится на уровне головы, кто не понял — пусть ходит с флагами и песнями. Вагнер решил построить театр, в который раз в неделю в обязательном порядке немцы ходили бы слушать национальные мифы. Убийственное сочетание, захватывающее зрителя, должно быть списано с греков, которые жили в маленьких полисах (от 40 до 5 060-ти человек). Громадные полчища персов накатывали на эти полисы, но греки успешно сражались с ними, потому что смотрели трагедии. Они сопереживали героям; когда хор ходил среди публики, та испытывала чувства, сходные с теми, которые сегодня испытывает человек, шагающий с песней в строю. Когда Суворову предложили перевести людей из оркестра во фронт, он сказал, что музыка удешевляет силу войска, так что она гораздо важнее, чем стрельба.

Мне случалось шагать по плацу с песнями и барабанным боем, но высоких чувств почему-то не рождалось. Скорее, возникали мысли об умственном нездоровье того, кто это придумал.

Так ведь у нас с вами преобладает иной инстинкт. Народ не выживает, если у него нет всех трёх инстинктов. Мы с Вами отвечаем за защиту и заботу, будучи частью системы сдерживаний и противовесов. Если нас не будет, воцарится война, все станут тупыми, а общество погибнет. Точно так же оно погибнет, если будут только такие, как мы. Ведь мы не можем постоять за себя. Разве не нужны люди, которые говорят: «Я здесь живу, а значит, я и навожу порядки»? Вы скажете, это грязь; «хорошо при свете лампы книжки дивные читать»... Во времена перестройки интеллигенты говорили: всё хорошо, и журналы приходят интересные, и передачи по телевизору; хорошо бы ещё на улицу не выходить. Всё это должно уравниваться. Но гармонии никогда не будет, потому что этот процесс подобен движению маятника, который вечно промахивает оптимальную точку. Я думаю, что оптимальную точку мы промахнули, когда стало слишком много образования, причём образования стоячего. В школе нас не учили думать, а вместо этого научили нескольким кричалкам. Это было что-то вроде Церкви по Луначарскому, где Бог заменяется каким-то человеком. В результате получился человек, неспособный к конкуренции.

У нас в университете есть такой забавный предмет — социолингвистика. Там я провожу со студентами «презентации»: один из студентов должен доказать, что он лучше всех остальных. Студенты этого не могут. Я говорю им, что это «презентация по Достоевскому» — ты выходишь и кричишь: «Я здесь самый большой грешник!». А тебя перекрикивают: «Это ты-то самый большой грешник?! Нет, это я самый большой грешник!». А третий: «Грехи ваши птичьи! Отойдите в сторону, я Вельзевул!». И выходит, что первый — самый лучший. Но если присутствует хоть один американец, всё

рушится. Он сидит спокойно и говорит: «Вот мои достижения: справка о том, что я прямо сидел на горшке уже в два года; диплом победителя школьного конкурса “чистые руки” и т.п.». Мы с Вами уже ничего не сможем с этим поделаться, но у нас должны быть дети. А у детей всё идёт «через поколение»: у тоталитарной бабушки вырастает забитая дочка, а от той происходит тоталитарная внучка, потому что ею никто никогда не командовал. Жизнь — это саморегулирующаяся система, независимо от того, чем мы занимаемся.

Так вот, вернёмся к Вагнеру. Он задумал такой театр, в котором немцы пропитывались бы национальным духом, делались единой нацией и могли побеждать французов и всех остальных. Ницше эти идеи были близки. А Сократ был для него человеком, который сеет сомнение. Он же хотел найти искусство, которое сплачивает нацию. Если проводить параллели с музыкой, то Ницше хотел военного оркестра, а Сократ — отдельной флейты, может быть, даже пускающей в импровизации.

Спасибо. Теперь я хотел бы задать вам ряд традиционных для нашего журнала вопросов. Прежде всего, самый простой и самый сложный вопрос: что такое философия сегодня?

Философий очень много, самых разных, и нельзя сказать, что какая-то из них является философией по преимуществу. Я только что приехал из Берлина. В германских университетах не преподают философию; там преподают этику. Мы привыкли думать, что за пять-шесть лет и медведя можно выучить, как себя вести. Но нет, германцы свои этические представления приносят из семьи. Причём, семья может быть и турецкой: Берлин — третий по величине турецкий город после Анкары и Стамбула. А в университете студентов должны научить критической рефлексии, научить сомневаться. У нас в Уральском университете в гербе написан девиз: «Бойся человека одной книги». Нужно научить человека смотреть на вещи не только с точки зрения Корана, но и с точки зрения Библии, а также энциклопедии.

Я работаю на кафедре истории философии и пытаюсь использовать понимающий метод, каким он представлен у Дильтея и Ясперса. Я пытаюсь показать, как в философии человек выражает свой внутренний мир. В книге для меня интересно, что в ней от автора, а не то, что он пишет про мир. В книге «Душа в дебрях технологий» я пытался показать, что все физические картины мира — это проекции мира внутреннего на космос. Попытаюсь развить эту мысль в книге про Ницше.

А что происходит с российской философией?

Когда я учился в университете, мне на первом и втором курсе читали диамат — 200 часов. Там были, например, такие темы: «Вещь. Свойство. Отношение». Вы смогли бы два часа говорить на такую тему, не приводя ни единого примера?

Боюсь, что нет.

«Причина становится причиной только с появлением следствия и отношения к следствию». Это великолепная схоластика в духе Средневековья, с определением понятий, чего сегодня никто не делает. И для меня высшее достижение философии — это строгий понятийный анализ. С другой стороны, на меня большое влияние оказала немецкая философия, потому что я со второго класса серьёзно изучал немецкий язык. Любой немец, будь он даже иррационалист, пишет предельно рационально. Но я знаю,

что такая философия никогда уже не вернётся. Я льщу себе надеждой, что, может быть, когда-нибудь я напишу что-то такое, положу в капсулу, замурую, а потом это кто-то прочитает. Нынешняя ситуация не безнадёжна. Кажется, что философия в упадке. Но я перечитываю Монтеня, который вопрошает: кто сделал из философии пугало? философия — это самое милое и весёлое дело. «Весёлая наука» идёт от Монтеня, а не от Ницше. Я перечитываю Гегеля — вершину философской спекуляции. Гегель начинает лекции по истории философии с заявления: мы — последние хранители философского огня; сидим в пещере, а вокруг бегают нефилософская публика. У философов, которые заходили далеко, всегда было ощущение одиночества. Я пытаюсь найти себе союзников в философии повседневной жизни. Люди охотно откликаются.

Я считаю, что, если когда-то человек не мог быть гражданином, если не мог произнести речь на Агоре, то сегодня он не может быть гражданином, если не способен провести телепередачу или хотя бы выступить на радио. А у нас выступают не философы, а мудрецы. После 70-ти лет у человека начинается необратимое известкование головного мозга. Суровые и жестокие большевики в 60 лет прогоняли с руководящих постов. В этом возрасте человек не то чтобы глупеет, он начинает вещать. Нужно различать философию и мудрость. Когда наступает мудрость, когда в связи с известкованием мозга человека начинают посещать прозрения, пусть он преподаёт в какой-то школе мудрости, а не в университете.

Мне хотелось бы закончить анекдотом. Монахи написали письмо папе римскому: во время всенощной страшно хочется курить. Можно ли курить? Папа отвечал: прокляну! Тогда монахи спросили: можно ли молиться во время курения? Папа сказал: да. Это и есть философия жизни.

Беседу провёл А.В. Дьяков

Основные работы А.В. Перцева

Монографии

1. Перцев А.В., Миронов Д.А. Позитивистский социализм: иллюзия или реальность? М.: Знание, 1990.
2. Перцев А.В., Миронов Д.А. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.
3. Перцев А.В. Типы методологий историко-философского исследования. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992.
4. Перцев А.В. Послание о веротерпимости Дж. Локка: точки зрения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
5. Перцев А.В. Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
6. Перцев А.В. Жизнь и творчество Ф.Ницше // Историко-философский ежегодник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
7. Перцев А.В. Душа в дебрях технологий. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический проект, 2004.
8. Перцев А.В. Почему Европа не Россия. М.: Академический проект, 2005.
9. Перцев А.В. Наука поступать. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.

Статьи

1. Перцев А.В., Зудихина Н.С., Куликов В.Б. Идеологический антропологизм как проявление кризиса современного буржуазного мировоззрения // Наука и мировоззрение. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1977.

2. Перцев А.В., Любутин К.Н., Кутлуниин А.Г., Шитиков М.М., Яковлев В.Г. Трилогия о великих философах Нового времени // Вестник Московского университета. Сер. УП. 1978. № 3.
3. Перцев А.В., Зудихина Н.С. Критика философско- антропологических интерпретаций общественного бытия и общественного сознания // Наука и развитие общественных отношений. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980.
4. Перцев А.В. Проблема взаимосвязи культуры и личности в современной буржуазной философии и ее значение в идеологической борьбе // Культура и всестороннее развитие социалистической личности. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980.
5. Перцев А.В. Проблема истины в философской антропологии ФРГ // Ленинская концепция истины и современная идеологическая борьба. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980.
6. Перцев А.В. Миф о возможности и необходимости полного сведения этики к математике в современной буржуазной философии // Проблемы и перспективы использования логико-кибернетической техники. Свердловск, 1980.
7. Перцев А.В. Критика современных буржуазных трактовок соотношения национального и интернационального в образе жизни // Образ жизни и идеологическая борьба. Материалы Всесоюзной научно-теоретической конференции: Интернациональное и национальное в образе жизни. Свердловск, 1980.
8. Перцев А.В. Рецензия на книгу: Калинин Л.А. Проблемы философии истории в системе Канта. Л., 1978 // Философские науки. 1980. № 2.
9. Перцев А.В. Критика современных буржуазных фальсификаций истории социальных учений // Из истории утопического социализма. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1981.
10. Перцев А.В. Идеологическая функция буржуазной философии (история и современность) // Всесоюзные философские чтения молодых ученых «XXVI Съезд КПСС и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии» Тезисы выступлений. М.: Изд-во МГУ, 1982.
11. Перцев А.В. Проблема общественного прогресса в современной философской антропологии ФРГ // Человек и прогресс. Ижевск: Удмуртия, 1982.
12. Перцев А.В., Атманских Е.А., Любутин К.Н. Молодежь и современная идеологическая борьба // Свердловск: Б.И., 1983.
13. Перцев А.В., Атманских Е.А., Любутин К.Н. Концепция общественных отношений в современной буржуазной философии // Единство эстетического, нравственного, художественного в системе идеологических отношений. Архангельск, 1983.
14. Перцев А.В. О специфике и границах позитивистского подхода в современной философской антропологии // Историко-философские исследования. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1983.
15. Перцев А.В., Любутин К.Н. Рецензия: Григорян. Философская антропология // Вопросы философии. 1983. № 19.
16. Перцев А.В., Атманских Е.А., Любутин К.Н. Проблема общественных отношений в современной буржуазной философии // Общественные отношения развитого социализма. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1984.
17. Перцев А.В. Основания современных буржуазных политических концепций // Всесоюзные философские чтения молодых ученых «XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии». Вып. VIII. М., 1984.
18. Перцев А.В., Атманских Е.А., Любутин К.Н. Герменевтика, плюрализм и неотрейдизм // Герменевтика: история и современность. М.: Мысль 1985.
19. Перцев А.В. Критика консервативных концепций о роли философии в жизни общества // Специфика философского знания и общественная практика. Вып.1. Тезисы выступлений слушателей VI Всесоюзной школы молодых философов. Тбилиси 1986. М., 1986.
20. Перцев А.В., Любутин К.Н. Рецензия на «Историко-философские ежегодники» 1986. // Вопросы философии. 1988. № 11.
21. Перцев А.В., Любутин К.Н. История философии и выбор стратегии формирования личности // Духовная культура и формирование личности. Краснодар, 1989.
22. Перцев А.В., Миронов Д.А. Австрийская социал-демократия как «соль общества» // Общественные науки. 1990. № 6.
23. Перцев А.В., Миронов Д.А. Позитивистский социализм, или судьба одной утопии // Общественные науки. 1990. № 4.

24. Перцев А.В. Учение К.Ясперса о шифрах трансценденции и проблема взаимосвязи мировых культур // Культура в диалоге. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992.
25. Перцев А.В. О новом методологическом подходе к истории российской философии после 1917 г. // Возрождение России и русская общественная мысль. Нижн. Новгород, 1993.
26. Перцев А.В. Ясперс о Будде или экзистенциальное видение буддизма // Культуры в диалоге: грани духовности. Ч. 1. Дух — пастырь человека. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994.
27. Перцев А.В., Черепанова Е.С. Философия биологического покаяния: возможен ли диалог с философией Просвещения? // Диалог в философии: традиции и современность. (Межвузовский сборник) СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
28. Перцев А.В. Мог ли Хайдеггер подписаться под «Капиталом»? // Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997.
29. Перцев А.В. В. Брюнинг, или круг всемирной философии // Западная философия: итоги тысячелетия. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997.
30. Перцев А.В. Врочующая философия К. Ясперса // Западная философия: итоги тысячелетия. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997.
31. Перцев А.В. Что действительно говорил Шопенгауэр? // Рифейский сократический пандемониум. Историко-философский альманах. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
32. Перцев А.В. Идея демократической школы // Права человека и гражданское образование. Тематический. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
33. Перцев А.В. Философия как веселая наука // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2000. № 3.
34. Перцев А.В. Философия как веселая наука (Пленарный доклад на Втором Российском философском конгрессе) // Вестник Российского философского общества. 2000. № 1 (13).
35. Перцев А.В. Ментальная толерантность // Толерантность в современной цивилизации. Материалы международной конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
36. Перцев А.В. Идеи к антропологической апологии философии // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
37. Перцев А.В. Философия толерантности в ее развитии: сущность и границы // Пределы толерантности в современном обществе // Материалы международной научно-практической конференции «Пределы толерантности в современном обществе — 2003». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
38. Перцев А.В. Современный миропорядок и философия толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.
39. Перцев А.В. Воспитание толерантности в школе (педагогические размышления) // Толерантность как практическая философия педагогики. Екатеринбург: УрМИОН, 2005.
40. Перцев А.В. Этика глазами агронома, или археология российской нетолерантности // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2006. Вып.4.

Переводы

1. Ясперс К. Философская автобиография. Гл. 1, 2, 3, 4, 10, 14 // Мы и культура сегодня. 1991. № 3, № 4.
2. Ясперс К. Шифры трансценденции. Фрагменты // Культура в диалоге. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992.
3. Ясперс К. Ницше и христианство (в сокращении) // Сумма философий. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993.
4. Ясперс К. Будда // Культуры в диалоге: Грани духовности. Ч. 1. Дух — пастырь человека. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994.
5. Брюнинг В. Философская антропология. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997.
6. Ясперс К. Философская автобиография. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997.
7. Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
8. Бреннер Д. Мораль и образование (об их проблемном отношении в греческом полисе и в теории образования нового времени) // Толерантность и образование: современные проблемы толерантного сознания. Екатеринбург: УрМИОН, 2006.